

Новые книги

Церковь и горожане средневекового Пскова*

Книга петербургского историка и археолога, доктора исторических наук А. Е. Мусина, ведущего научного сотрудника Института истории материальной культуры (ИММК) РАН, посвящена взаимоотношениям Церкви и горожан в средневековом Пскове.

Изучение истории Церкви в Пскове началось в нашей стране во 2-й половине XIX — начале XX в. От работ предшественников¹ исследование Мусина отличается тем, что он продолжает традиции комплексного источниковедения, заложенные В. Л. Яниным применительно к изучению средневекового Новгорода. Исследователь привлек не только давно выявленный корпус письменных источников (летописи, акты, жития и проч.), но и археологический материал, в том числе предметы личного благочестия. Несомненным плюсом является стремление автора к «тотальной истории», в которой соединены материальная культура, менталитет того времени, социальная организация и проч., а конечной целью является придание прошлому антропологического измерения. Такое исследование церковной жизни средневекового города не могло не привести к интересным результатам.

Основную задачу своего исследования автор видит в том, чтобы «понять, как в истории средневекового Пскова соотносились между собой гражданская и церковная городские общины». Отталкиваясь от «псковского сюжета», историк стремится лучше понять судьбу «церковной организации в древнерусском городе вообще» (с. 5). Впрочем, «единство городской и церковной организации» декларируется им уже во введении, где также утверждается, что «церковь эпохи Средневековья, именовавшаяся... посвящением городского храма (Св. Софии в Новгороде, Св. Троицы в Пскове.— *М. П.*), раскрывала себя преимущественно в городской общине, имевшей свой закон и свою

* Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010 (Серия «Archaeologica Varia»). 364 с.

правду, которые были способны обуздать своеволие княжеской власти и направить ее творческие возможности на общее благо» (с. 6). Тезис о единстве города и Церкви выступает скорее как дорогая для автора идея, чем как доказанный факт.

Тематическая двойственность (сочетание местного и общерусского масштабов), заявленная автором во введении к монографии, отразилась на ее структуре. Для книги Мусина характерны пространные отступления от основной темы. Эскурсы в историю Древнерусской Церкви или в историю средневекового Новгорода (где находился центр епархии, к которой Псков принадлежал до конца XVI в.), занимают целые главы (глава 1 «Новые люди» Древней Руси», глава 3 «Духовенство в древнерусском городе», глава 4 «Семисоборная организация средневекового Новгорода»). Представляют интерес выводы автора о соотношении кончанской и сотенной организаций в Новгороде (последняя изначально была связана с летописной «русью» — княжеским окружением и Торговой стороной Новгорода, в конце XIII в. началось «обояривание» сотенного населения), о выявляемых археологически христианских субкультурах городского населения.

На основе изучения топографии «поповских дворов» Новгорода автор показывает, что в XII–XV вв. духовенство жило среди прихожан, не обязательно вблизи своих храмов. Картина изменилась во 2-й половине XVI в., когда в писцовых книгах отмечается компактное проживание священно- и церковнослужителей на особой церковной земле близ храмов. В Пскове, о котором существенно меньше данных о местах проживания духовенства, вероятно, сохранилась более ранняя ситуация, поскольку немногочисленные источники свидетельствуют об отдаленности проживания священников от мест своего служения. Мусин объясняет это «более “мягким” вхождением Пскова в Московское государство, что не повлекло за собой коренной ломки социальной топографии города». В отличие от Новгорода здесь не было «боярских выводов», да и псковское духовенство не было столь тесно связано с боярскими кланами, как в городе на Волхове: «Высокая степень общественной свободы псковского духовенства, не скованного рамками боярской патронимии, позволила ему принять более активное участие как в формировании соборной системы, так и в жизни псковской общины... Принципиальное отличие соборного устройства Новгорода и Пскова от соборов в городах Московской Руси заключалось в изначально большей степени авторитарности епископской и великокняжеской власти в Северо-Восточной Руси, сводившей к минимуму каноническое участие клира и мирян в церковном суде и управлении» (с. 323).

Особое внимание автор уделяет соборному устройству церковной организации Новгорода, доступной изучению в основном благодаря сохранившейся «Семисоборной росписи» (так этот памятник называется в историографии)². Однако 2 основных вывода автора все же недостаточно обоснованы. А именно: что учреждение 7 соборных округов, впервые упоминаемых только в 1417 г.³, произошло одновременно в начале 60-х гг. XIV в. по реформе архиепископа Новгородского Алексия (потому что с 1362 г. во владычной

летописи регулярно упоминается «клирос Святой Софии»), и что «Семисоборная роспись» датируется 1480–1483 гг. (не менее вероятной представляется возможность ее составления около 1485 г., когда, согласно Псковской 2-й летописи, присланный из Москвы архиепископ Геннадий (Гонзов) предпринял попытку переписи престолов во Пскове⁴, или несколько раньше, в 1483–1484 гг., при архиепископе Сергии, который, по тому же источнику, «многы игумены и попы исыпроде и многы новыя пошлыны введе»⁵).

Собственно исследование псковской церковной истории сосредоточено в 3 последних главах, которые следует признать существенным вкладом исследователя в данную проблематику (глава 5 «Соборные округа и соборное духовенство средневекового Пскова», глава 6 «Христианские древности средневекового Пскова», глава 7 «У Троицы на вече: Городская община и Церковь Пскова»). Глава 2 «Городская община средневекового Пскова» является введением в развиваемый далее псковский сюжет. Основной вывод автора состоит в том, что в отличие от Новгорода Псков изначально был городом, где преобладала сотенная социально-политическая организация, связанная с княжеской властью, в нем практически отсутствовали городские боярские патримонии и вотчинное землевладение, столь характерные для Новгорода и Новгородской земли. Городскую общину перед князем представляли не посадники (это была должность боярская), а сотские, что отмечается в Пскове уже с конца XII в. Сотни же оказались и наиболее жизнеспособной социальной организацией городского населения, сохранявшейся и в XVI в., когда псковские концы все более теряли прежнее значение. Автору удалось топографически определить 6 концов средневекового Пскова, сложившихся к XVI в. на основе сотенной системы — Петровский, Остролавицкий, Городецкий, Опоцкий, Богоявленский и Полоницкий, а также доказать отсутствие своего конца в Запсковье (вопреки мнению ряда исследователей, выделявших там Козмодемьянский конец).

В качестве особенностей церковной жизни Пскова, явившихся следствием отсутствия местного боярства до XIV в., Мусин отмечает отсутствие городских монастырей в XI–XIII вв., а также особую, неизвестную Новгороду форму ктитинства — «старощение». Старосты, выбиравшиеся из мирян (по 2 на приход), нередко были одновременно сотскими и играли большую роль как в политической, так и в церковной жизни города, что, согласно автору, еще раз подчеркивает единство церковного и общегражданского в средневековом городе (с. 322).

Одной из наиболее удачных следует признать главу, посвященную соборным округам средневекового Пскова, в которой автор реконструировал городскую шестисоборную организацию, опираясь прежде всего на показания псковских летописей (с. 139–203), причем отнес ее зарождение ко времени даже более раннему, чем время возникновения аналогичного явления в Новгороде, — к 1356 г., когда появились Троицкий и Софийский соборные округа (с. 172, схема). Попутно было решено несколько вопросов, связанных со средневековой топографией города, в частности, благодаря локализации церкви мч. Леонтия удалось установить появление Княжего двора на том

месте, на котором он фиксируется позднее, уже при Довмонте, т. е. во 2-й половине XIII в. Важным представляется вывод автора о соответствии системы древнерусских соборных округов нормам канонического права.

По мнению Мусина, собрание христианских древностей из раскопок средневекового Пскова «не позволяет охарактеризовать его как обширное и репрезентативное». Автор привлек к исследованию «около 100 предметов личного благочестия конца X — первой половины XV в.: нательных крестов, изготовленных из различных материалов, иконок, литейных формочек, других объектов, несущих на себе христианскую символику» (с. 206). В итоге он пришел к выводу, что корпус христианских древностей в Пскове свидетельствует об «аскетизме повседневной христианской культуры» и характерен «для культуры сотенного населения, как она нам известна по новгородским материалам» (с. 255). Тем самым подтверждается мнение автора о сотнях как основе социальной организации средневекового Пскова.

Глава 7 «У Троицы на вече: Городская община и Церковь Пскова» (с. 260–317) представляется центральной в исследовании. Значительная ее часть посвящена псковскому владычному наместнику, т. е. представителю в Псковской земле Новгородского архиепископа, посещавшего Псков обычно раз в несколько лет. Заслуживает внимания точка зрения исследователя, что появление должности наместника не было связано с борьбой Пскова за свою независимость и с организацией внутреннего устройства псковской церковной общины. Мусин считает, что к этому привело развитие аппарата дома Святой Софии (Новгородского архиепископского дома) и гипотетически относит это событие к концу XIII — началу XIV в., когда появились наместничества в Ладоге, Торжке и в самом Новгороде. К 1330-м гг. псковичи добились права избирать владычного наместника из своей среды. После провала в 1331 г. попытки поставить в Псков епископом Арсения эту должность занимали миряне, функцию же «коллективного архиерея» Пскова исполняло духовенство Троицкого собора. В данной части работы и во многих других Мусин активно привлекает данные сфрагистики, особенно исследования псковских печатей С. В. Белецким, что придает большую основательность его выводам. Следует отметить гипотезу автора о тождестве назначенного митрополитом Исидором в 1440 г. по возвращении с Флорентийского собора псковского архимандрита Григория с будущим Киевским митрополитом (Западнорусской митрополией) Григорием «Болгаринном», в чине протодиакона сопровождавшим Исидора в поездке в Италию (с. 285–287).

С точки зрения канонического права Мусин рассматривает псковскую церковную реформу 1468–1470 гг., уравнивавшую в праве судопроизводства троицких соборных и приходских священников, из числа которых формировалась судебная коллегия по делам духовенства («миряне, составлявшие большинство псковского веча, были вовлечены духовенством в процедуру утверждения грамоты на прочных канонических основаниях»). Данная реформа, ее предпосылки и последствия впервые, как представляется, были исследованы столь обстоятельно.

Необходимо, впрочем, отметить, что автор явно преувеличивает, когда пишет (с одобрением) о существовании в Пскове «пресвитерианских» тенденций, якобы не противоречивших восточнохристианскому каноническому праву. Самоуправление псковского духовенства было не принципиальной позицией, а вынужденной мерой в условиях государственной, но не церковной независимости Пскова от Новгорода. Иначе трудно объяснить настойчивое стремление псковичей получить своего епископа (такие попытки предпринимались наиболее активно в 1331 и 1464 гг.). Точно так же Мусин переоценивает значимость христианских ценностей в деятельности веча, напрямую сопоставляя его участников с церковной общиной: «Рецепция событий как церковной, так и социально-политической жизни происходила по единой схеме и осуществлялась одними и теми же людьми. Изъявление общинной воли “у Троицы на вече” не просто получало религиозную санкцию. Оно и было, по сути дела, религиозной процедурой» (с. 327). Но вече по составу являлось более узким, чем литургическая община. В вечевых собраниях не участвовали женщины, дети, холопы. Кроме того, как известно, в том числе по псковским источникам, вечевые собрания предполагали разделения, столкновения противоборствующих сторон, а иногда и расправу над согражданами. Поэтому вряд ли возможно вслед за автором монографии говорить о «единстве социальных и функциональных характеристик Церкви и веча» (с. 317).

К сожалению, автор не привлекает в должной мере важнейший комплекс грамот в Псков Киевских митрополитов Киприана, Фотия и Ионы, указывающих на многочисленные недостатки местной церковной жизни, в том числе и канонические нарушения. Имеющийся в этих памятниках богатый материал, характеризующий внутреннюю жизнь псковской городской общины, как духовенства, так и мирян, использован в монографии выборочно и иллюстративно. Мусин не заострил внимания на важных событиях, связанных с идейными противостояниями в Пскове XV в. и являющихся неотъемлемой частью истории псковской Церкви, а именно: на деле прп. Евфросина Псковского (споры об аллилуйе) и на известных по посланиям св. митрополита Фотия 1416–1427 гг. попытках псковских властей искоренить религиозное движение так называемых стригольников⁶. Впрочем, свой подзаголовок — «историко-археологическое исследование» — монография, без сомнения, оправдывает в полной мере.

Особо следует отметить иллюстративный ряд издания. Это изображения христианских древностей, найденных в Пскове во время раскопок, замечательные фотографии Пскова 2-й половины XIX — начала XX в. из архива ИИМК РАН и планы-схемы топографического характера, значительно облегчающие восприятие текста исследования.

*М. В. Печников, кандидат исторических наук
(Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Беляев И. Д.* История города Пскова и Псковской земли. М., 1867; *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908; *Круглова Т. В.* Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *она же.* Церковь и духовенство средневекового Пскова // Махаон. 2001. № 13–15 (Электронный ресурс: history.machaon.ru/all/number_13/pervajmo/kruglova_print/index.html; history.machaon.ru/all/number_14/pervajmo/kruglova_print/index.html; history.machaon.ru/all/number_15/pervajmo/kruglova_print/index.html).
- ² См. также: *Мусин А. Е.* Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 104–122; *он же.* Соборные округа древнерусского города: От сакральной топографии к иеротопии // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 491–500.
- ³ Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 408.
- ⁴ Там же. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 68.
- ⁵ Там же. С. 63.
- ⁶ Тема, связанная со стригольниками, ограничена одним абзацем в заключении, где приводятся ссылки на последние работы других исследователей. Впрочем, автор указывает, что эту тему он «старательно обходил» (с. 323–324).